

наш
XX
век

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

КАЛИНИЧЕНКО

ДЕЛО О 140 МИЛЛИАРДАХ, ИЛИ 7060 ДНЕЙ
ИЗ ЖИЗНИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Владимир Иванович Калининченко
Дело о 140 миллиардах, или
7060 дней из жизни следователя
Серия «Наш XX век»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23878338

*Калининченко В. И. Дело о 140 миллиардах, или 7060 дней из жизни следователя: Центрполиграф; Москва; 2017
ISBN 978-5-227-07488-1*

Аннотация

В 70–80-х годах прошлого столетия одно только упоминание имени Владимира Калининченко приводило в трепет секретарей обкомов, министров и членов политбюро. В то время Владимир Иванович работал важняком – так называли в народе следователей по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР. Кредо Калининченко: «Закон – священная корова». Он решал сложнейшие головоломки, был человеком бесстрашным и абсолютно невосприимчивым к лести. Дослужившись до генерала, в 1991 году Калининченко уволился из прокуратуры по собственному желанию. Сейчас занимается адвокатской практикой.

Содержание

Предисловие	5
Дело о 140 миллиардах (начало)	11
Ошская трагедия	15
Дело о 140 миллиардах (продолжение)	32
Из прошлого	43
Дело о 140 миллиардах (продолжение)	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Владимир Калининченко

Дело о 140 миллиардах, или 7060 дней из ЖИЗНИ следователя

© Калининченко В. И., 2017

© «Центрполиграф», 2017

*Прекращением уголовного дела о 140 миллиардах
(дело Фильшина) и ликвидацией Прокуратуры СССР
закончилась для меня государственная служба.
Владимир Калининченко*

Предисловие

В 8-м и 9-м номерах журнала «Юность» за 1989 год был опубликован мой очерк «Точка отталкивания» об убийстве на станции метро «Ждановская» (ныне «Выхино») майора КГБ СССР Вячеслава Афанасьева. В тот же период в рабочем блокноте я стал делать наброски воспоминаний о профессиональной деятельности в органах прокуратуры. С годами наброски приобрели очертания книги, которую я назвал «Дело о 140 миллиардах, или 7060 дней из жизни следователя». Уголовное дело о 140 миллиардах было последним в моей служебной карьере. В 1996 году интерес к публикации этой книги проявило издательство «Олимп». Мы заключили договор о ее издании в количестве 10 000 экземпляров. От получения предоплаты за рукопись я отказался до выхода книги. Шло время, и через пару лет по непонятной для меня причине тираж сократили до 3000 экземпляров. В 1998 году книга вышла в мягкой обложке, мне предоставили 50 экземпляров и выплатили совсем мизерный гонорар, но остальной тираж на книжных прилавках без объяснения причин так и не появился. Однажды мне в руки попала книга о криминальных историях советского периода. С удивлением я прочитал главу за подписью некоего Александра Хабарова об убийстве на «Ждановской». Знать об этом автор мог только по слухам, но в его повествовании содержались целые абза-

цы из моего очерка, самое главное заключалось в том, что в самом очерке я изменил фамилии антигероев, и эти изменения Хабаров автоматически продублировал. В разговоре по телефону Хабаров неуклюже оправдывался, а я по условиям договора обратился к главному редактору издательства. Он пообещал разобраться, но на этом все закончилось.

Спустя некоторое время мне по секрету сказали, что весь тираж выкупили представители концерна АСТ Тельмана Исмаилова. Это было похоже на правду, потому что Исмаилов и его сыновья родились и выросли в Азербайджане, а в книге была глава о расследовании уголовного дела на бывшего прокурора Азербайджанской ССР Гамбоя Мамедова, вступившего в жесточайший конфликт с первым секретарем ЦК Компартии республики Гейдаром Алиевым. На родине Исмаилова оставались высокопоставленные чиновники, которые совсем не желали предания гласности обстоятельств того дела конца 70-х годов. Соответствовала ли эта информация действительности, я не знаю по настоящее время.

Выкуп тиража могли инициировать представители Казахстана, потому что в одной из глав я достаточно подробно изложил декабрьские события 1986 года на площади имени Л. И. Брежнева в Алма-Ате. Это были первые массовые выступления молодежи на почве обострения межнациональных отношений и борьбы за власть в Казахской ССР. По делу о массовых беспорядках были осуждены десятки молодых людей, а после развала СССР началась кампания по их реабилита-

ции. И снова же мое видение событий того времени было невыгодно высокопоставленным должностным лицам.

Не мог я исключить и вмешательства сотрудников ФСБ. Дело было в том, что в книге я рассказывал о проверке в рамках уголовного дела об убийстве Афанасьева версии о неизвестном исчезновении майора КГБ СССР Виктора Шеймова и его семьи, а возможно, и об их убийстве. В этом подозревали нескольких обвиняемых в убийстве Афанасьева. Трупы исчезнувших обнаружены не были, и поэтому никаких оснований для предъявления обвинения в совершении подобного преступления не существовало. После развала СССР в конце 1991 года Виктор Шеймов дал первое интервью американским журналистам в США, куда он сбежал вместе с семьей. Примерно в те же годы в США появились публикации, в том числе бывшего начальника отдела ЦРУ по работе с Советским Союзом, который бахвалился тем, что им удалось завербовать шифровальщика, занимавшего высокую должность в КГБ, с его помощью подключиться к подземным коммуникациям под Кремлем для прослушивания телефонных переговоров высших должностных лиц Советского Союза и вывезти своего агента в США. В данном случае речь могла идти только о Викторе Шеймове.

Еще через несколько лет известный тележурналист Николай Николаев на канале НТВ сделал передачу об убийстве на «Ждановской». Таковую я считаю самой удачной, и прежде всего потому, что помимо меня в ней принимала уча-

стие легендарная судья Московского городского суда, ныне покойная Зинаида Александровна Опарина, которая провела судебное разбирательство и вынесла приговор убийцам Афанасьева. В этой передаче также принимали участие трое осужденных по этому уголовному делу. Во время передачи я вступил в полемику по телемосту с бывшим заместителем начальника Управления внешней контрразведки КГБ СССР генерал-майором Олегом Калугиным. В конце 80-х почувствовав угрозу разоблачения как агента ЦРУ, он стал выступать с резкой критикой в адрес ведомства, в котором проработал долгие годы. На этой волне Калугин был избран депутатом Верховного Совета СССР, выждал определенное время и сбежал в США. Там он получил свои «тридцать серебряников» и благополучно проживает на деньги, полученные в результате предательства. В 1995 году он был заочно приговорен к 15 годам лишения свободы за измену родине. Тогда в полемике с Калугиным я узнал, что Шеймов, с семьей проживая в США и будучи недоволен тем, что ЦРУ недостаточно оплатило его предательские услуги, обратился с иском в суд и получил с ответчика еще один миллион долларов.

Казалось бы, что все это никакой большой тайны не составляет, если бы не одно но. Еще в 1980 году установили, что Шеймов был завербован американцами, и, когда встал вопрос о его разоблачении, его вместе с семьей вывезли на самолете американского посла на территорию США. Так что вполне возможно, что с того времени продолжалась некая

оперативная комбинация по дезинформации нашего противника. Думаю, что после интервью Шеймова и публикации в печати о его вербовке и работе на ЦРУ вся его история большой государственной тайны не составляла. Тем не менее передача Николая Николаева с просмотра была снята, и более ее никогда и никому не демонстрировали. Возможно, то же самое было препятствием в издании книги.

Впрочем, гадание о том, кем был изъят выпущенный тираж, – дело бесполезное.

Спустя более 20 лет менять что-либо в книге смысла нет, потому что она написана так, как я оценивал события своей жизни на тот период. Много позже мне довелось прочитать много публикаций и мемуаров, посмотреть десятки документальных фильмов о событиях тех лет. Сегодня смотрю совсем иначе на предательскую роль Михаила Горбачева в умышленном развале Советского Союза, в том, как по его инициативе был спровоцирован полет и посадка на Красной площади Матиаса Руста, потому что эта провокация позволила Горбачеву отстранить от руководства высшее командование Советской армии, которое могло воспрепятствовать его действиям по развалу СССР. По инициативе того же Горбачева было инспирировано дело о 140 миллиардах, которое должно было сыграть решающую роль в дискредитации первого президента РСФСР Бориса Ельцина и его ближайшего окружения. Впрочем, выводы о моих предположениях пусть делает каждый читатель, исходя из своего жизненного опыта

и политических взглядов на современную Россию.

Дело о 140 миллиардах (начало)

В январе 1991 года разразился скандал, связанный с попыткой правительства РСФСР продать 140 миллиардов рублей за доллары США. Противозаконная сделка была пресечена спецслужбами СССР. Непосредственно заключение сделки курировал заместитель председателя Совета министров РСФСР Геннадий Фильшин, именем которого и стали называть эту «сделку века».

В течение года зарубежная и советская печать, телевидение и радио обрушивали на головы граждан поток противоречивой информации о намерениях сторон. Так, коммунисты утверждали, что в случае реализации сделки подрывались экономические устои государства, а наши предприятия и запасы полезных ископаемых за бесценок продавались на Запад.

Демократы, в свою очередь, обвиняли правящую партию (КПСС) и руководителей СССР в попытках дискредитировать молодое российское правительство, демократические преобразования в стране и лично председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Николаевича Ельцина.

«20 января в аэропорту Шереметьево-2 в ходе таможенного досмотра у подданного Великобритании Пола Пирсона, вылетающего в Швейцарию, обнаружены и задержаны документы по сделке, противоречащей действующему законо-

дательству, заключенной с советской стороны Челябинским филиалом производственно-экологической фирмы ЭХО при Международном неправительственном фонде «Вечная память солдатам», а с иностранной стороны – английской компанией «Дов трейдинг интернэшнл»¹.

Отъезд Пирсона из Москвы с документами о продаже 140 миллиардов рублей за 7 миллиардов 756 миллионов долларов США готовился тщательно. Компаньон Пирсона и основное действующее лицо в этой сделке английский бизнесмен Колин Гиббинс приобрел пять билетов на разные дни и рейсы, пытаясь скрыть действительную дату вылета. Подстраховал себя и факсами, в которых сообщил своим людям в Цюрихе о предполагаемых датах прилета Пола. Гиббинс надеялся, что, если, несмотря на принятые меры, сделка все же попала в поле зрения КГБ, за счет подобных маневров ему удастся переправить документы своим западным партнерам. Для прикрытия действительной цели поездки Пирсон пригласил в Швейцарию любовницу. Тем самым он демонстрировал отъезд с сугубо личными целями.

Из оперативных источников. Пол Пирсон окончил военно-морское училище близ Портсмута. Несколько лет ходил на военном корабле в качестве инженера-электрика. Затем ушел из армии и четыре года жил в Саудовской Аравии, Португалии, США, Нигерии, Греции, ФРГ, причем в Нигерии

¹ Информация Центра общественных связей КГБ СССР – опубликована в центральных средствах массовой информации.

преподавал электронику в военно-морском училище. С 1985 года в Москве. Здесь познакомился с академиком (офицером КГБ) Юрием Козловым.

Позже именно Пирсон познакомил Козлова с Гиббинсом, и они совместно занялись проработкой идеи «кредитного трансферта», то есть обмена (продажи) рублей на доллары США. Козлов, в свою очередь, познакомил Гиббинса с директором Челябинского филиала производственно-экологической фирмы ЭХО Андреем Свиридовым, в будущем – партнером Гиббинса в сделке о 140 миллиардах.

В 1990 году Пирсон был задержан в одном из банков Великобритании при сдаче наличными солидной суммы долларов. После экспертизы выяснилось, что большая их часть – фальшивки, изготовленные в Афганистане, и, вероятнее всего, они были завезены в Лондон из Москвы. Никакой ответственности за попытку сбыть фальшивые доллары Пирсон по непонятным причинам не понес.

Перед выездом в аэропорт все собрались в офисе Гиббинса в гостинице «Волга», заказали такси и, пожелав Полу и его подруге счастливого пути, «замерли» в ожидании удачного завершения первого этапа операции.

Неприятности начались с прохождения таможенного контроля, когда Пирсона попросили вскрыть пакет, опечатанный Гиббинсом. Рядом с таможенниками стояли молодые люди, внешний вид которых не оставлял сомнений в принадлежности к известному ведомству. Остальные вещи Пирсо-

на интереса не вызвали, составление протокола носило формальный характер, и бывший военный моряк, чей послужной список давал основания заподозрить его в активной работе на спецслужбы Великобритании, наверняка понял, что все их действия по проработке и заключению сделки с самого начала находились под контролем спецслужб СССР.

Звонок Пола в офис поверг компаньонов в состояние шока. Хотелось надеяться на лучшее, и потому партнеры Гиббинса по сделке – генеральный директор фирмы ЭХО Андрей Свиридов со товарищи – помчались в аэропорт, где их худшие опасения подтвердились. В тот же день изъятые у Пирсона материалы легли на стол председателя КГБ СССР Крючкова. Вечером в программе «Время» было передано сообщение Центра общественных связей КГБ о задержании Пирсона.

С лета 1990 года с бригадой следователей я находился в Оше, расследуя уголовное дело о массовой резне, произошедшей вследствие очередного межнационального конфликта. Погибли свыше пятисот человек, среди которых много женщин и детей.

Ошская трагедия

Июнь 1990 года. В Ереван, где я находился в командировке, расследуя дело о некачественном строительстве, повлекшем тяжкие последствия при спитакском землетрясении, позвонил заместитель генерального прокурора СССР Владимир Иванович Кравцев:

– Немедленно вылетайте в Ош! Что там произошло, вы знаете из сообщений печати!

Знал я, откровенно говоря, мало, ибо кормили нас информацией дозированно. В Оше произошли массовые беспорядки и имелись человеческие жертвы. О количестве погибших не сообщалось.

В ошском аэропорту меня встретил начальник отдела оперативного реагирования Александр Фролов². По занимаемой в то время должности я был его первым заместителем.

Штаб срочно создаваемой следственно-оперативной группы дислоцировался в здании прокуратуры области. В Ош во всеоружии, а проще – с лучшей криминалистической техникой, которой располагала в то время Прокуратура СССР, прибыл в полном составе отдел по внедрению в практику научно-технических средств во главе с его началь-

² Прокурор Воронежской области.

ником Николаем Емельяновым³.

Ежедневно прибывали следователи прокуратуры, МВД и КГБ.

Втроем мы и занялись организацией расследования дела, возбуждаемого по имевшему место факту массовых беспорядков, естественно сосредоточив усилия на раскрытии убийств.

По каналу Шахрихансай, к которому меня привезли в тот же день, плыли трупы. На левом берегу шумел восточный киргизский базар. На правом – узбекский. Ширина канала составляла не более десяти метров. Счет трупам шел на сотни.

7 июня на улицах районного центра Кара-Су группами собирались люди узбекской национальности, составлявшие основную часть населения города. Все обсуждали расстрел милицией соплеменников на поле колхоза имени Ленина и начавшуюся резню в других районах области. Страсти накалялись и достигли высшей точки, когда днем на центральную площадь привезли трупы двух зверски убитых пасечников. Толпа жаждала мести! Толпа жаждала смерти в лице коренных жителей региона – киргизов.

Братья Темировы и их друзья Адахамов, Юсупов и Эгамбердиев были активными участниками обсуждения происшедшего. Разгоравшуюся злость подкрепляли изрядным употреблением спиртного. Куролесили весь день и ночь. Под

³ Помощник генерального прокурора РФ.

утро пришли к выводу, что от слов нужно переходить к делу – найти и убить кого-нибудь из киргизов. Вспомнили, что недалеко от центра живет народный судья Кара-Суйского района Абдинасирова. Ее и предложили в качестве объекта будущей расправы. При обсуждении плана нападения уточнили, что в квартире судьи проживают одни женщины – ее родственницы и, значит, никто серьезного сопротивления оказать не сможет. Вооружились металлическими прутьями, ножами, топором и около пяти часов утра поднялись на четвертый этаж хрущевки.

Абдинасирова и две ее племянницы, младшей из которых было всего двенадцать лет, сразу поняли, что их ожидает. Телефон работал, но дозвониться в милицию было сложно, хотя несколько раз это удалось сделать. На просьбы о помощи им отвечали неопределенно.

Между тем входная дверь трещала под ударами топора и наконец рухнула. Пытаясь прикрыть племянниц, Абдинасирова выбежала в коридор и попыталась заговорить с убийцами. Вырвавшийся от страха душераздирающий крик прервал удар топором по голове. После второго удара ножом в спину судья упала и все пятеро стали избивать ее ногами.

В дальней, закрытой на ключ комнате 20-летняя племянница Гульнара кричала в телефонную трубку: «Умоляю вас, приезжайте скорее – уже тетю убивают! Прошу вас, помогите нам!» Ее слушали не слыша, ибо стражей порядка охватил страх. Обстановкой в городе они не владели и, как осажден-

ные в крепости – здании горотдела милиции, думали только о себе и ждали наступления утра.

Абдувахид Темиров ворвался в комнату через балкон. Гульнара успела спрятаться под стол, откуда ее вытащил за волосы Кабыл Темиров и тут же нанес удар ножом в спину. Абдувахид ударил топором по голове. Истекающую кровью молодую женщину раздели и стали насиловать по очереди, в том числе в извращенной форме. Затем добили и принялись за ребенка. Убивали девочку топором и прутом, но ей повезло... Уставшие насильники нанесли ей удары, которые не были смертельными.

Между делом обшарили квартиру, нашли и забрали золотые украшения, деньги, духи и бутылку коньяка «Кыргызстан». По пути домой, обсуждая содеянное, пришли к выводу, что малолетняя Динара осталась в живых, и решили вернуться, чтобы ее добить. Но уже наступило утро, и на место трагедии прибыл наряд милиции, который и задержал убийц, за исключением Эгамбердиева, сбежавшего в Узбекистан.

Это было одно из первых убийств, раскрытых в Оше. Темировы и компания первыми сели на скамью подсудимых. Как вы понимаете, тогда еще существовали Советский Союз и центральные органы власти, с которыми считались. Тем не менее уже тогда мы столкнулись с тем, что правоохранительные органы Андижанской области, где скрывался Эгамбердиев, сделали все возможное, чтобы не отдать его в руки правосудия. Рассказывать об этом нет смысла.

Уже тогда, пытаясь разобраться в причинах происшедшего, я стал понимать, как тесно людям разных национальностей живется на нашей земле-матушке.

Расстояние от центра киргизского города Ош до границы Андижанской области Узбекистана составляло не более десятка километров. На территории самого Оша компактно проживали сотни тысяч узбеков и киргизов. Условное социальное расслоение среди них от нас не скрывали и сообщили, что узбеки доминируют в торговле, общественном питании и на автотранспорте, то есть обладают значительными денежными средствами со всеми вытекающими отсюда последствиями. Киргизы занимают главенствующее положение во властных структурах, особенно в партийных и советских органах, а также в милиции. Разница в материальном положении между ними была заметной.

До начала ошской трагедии мы уже имели кровавые вспышки национализма в Сумгаите, Баку, Кировабаде, Алма-Ате и Фергане, но у власти в лице ЦК КПСС и генерального секретаря Горбачева не было ни желания, ни способностей увидеть глубину назревавших в том или ином регионе проблем и действительно влиять на их разрешение.

Так сложилось исторически, что на условной границе между Киргизией и Узбекистаном киргизы в основном селились в горах, занимались животноводством. Узбеки осели в низинах. Основной род их занятий – земледелие.

К середине 80-х политика властей свелась к искусствен-

ному подталкиванию людей, проживающих в горах, перемещаться на равнину и начинать новую жизнь на плодородных землях, которые считали фактически своей собственностью узбеки. Остро встал вопрос с жильем. На этой почве нарастала взаимная неприязнь. В 1989 году на территории области возникла самодеятельная неформальная группировка «Народно-демократический фронт Киргизии» (НДФК), объединявшая в своих рядах киргизов. В ответ появилось такое же объединение «Адолат», состоящее из узбекской части населения.

Несколько позже в Оше появилась еще одна неформальная группа – «Ош-аймагы», которая поставила перед собой программную цель – обеспечить участками под индивидуальное строительство только лиц киргизской национальности, не обеспеченных жильем. Местом строительства чисто киргизского поселения лидер «Ош-аймагы» Бектемиров и его сторонники выбрали поля колхоза имени Ленина, труженники которого в основном узбеки.

27 мая 1990 года на несанкционированный митинг, состоявшийся на поле, прибыло все руководство города, где экстренно провело открытое заседание бюро горкома и приняло решение о выделении представителям «Ошаймагы» 30 гектаров поливных земель колхоза. Знали ли отцы города, к чему может привести такое решение? Ответ однозначен: да.

«Первому секретарю Ошского обкома Компартии Киргизии тов. *Кульматову Р. С.*

Председателю Ошского облисполкома тов. Бекболатову Ж.

...Поступающая в УКГБ информация свидетельствует о том, что... вынашиваются намерения организовать в городе Оше акцию по насильственному захвату земельных участков лицами киргизской национальности, не имеющими квартир и проживающими в стесненных условиях...

...Среди населения г. Оша все активнее муссируются слухи о предстоящем 27 мая с. г. физическом столкновении, которое якобы произойдет между лицами киргизской и узбекской национальности из-за насильственного захвата поливных земель, принадлежавших колхозу имени Ленина Кара-Суйского района...»

Эти докладные записки 6 и 20 апреля 1990 года подписал начальник УКГБ по Ошской области полковник Мамеев, прекрасно понимавший, к чему ведет неуклонно проводившаяся в жизнь политика властей. Всего таких докладных записок было девять.

Буквально через несколько дней докладные записки Мамеева были сняты с контроля, а проще говоря, проигнорированы. 27 мая на колхозном поле начались митинги. Люди стали делиться на своих и чужих.

Страсти накалялись, и власти приняли решение: пусть даже путем применения насилия навести порядок. В Ош стянули дополнительные силы милиции из различных регионов

республики. «Командовать парадом» прибыл министр внутренних дел Киргизии В. В. Гончаров. Он принял решение не допускать на поле митингующих, но вскоре его отменил, так как с людьми и именно на месте конфликта решили встретиться руководители республики и области.

Утром 4 июня на поле стали стекаться толпы людей, вооружаясь по пути камнями и палками. Границу возможного столкновения перекрыли вооруженные автоматическим оружием работники милиции. В 22 часа стали поступать первые сведения о бесчинствах толпы. Весь личный состав областной милиции вооружили, были приняты меры к обороне зданий ГУВД и УВД.

5 июня утром объявили указ Президиума Верховного Совета Киргизской ССР о введении в Оше и области чрезвычайного положения. В тот же день при соприкосновении с толпой работники милиции первыми открыли огонь на поражение. Поле колхоза имени Ленина обагрилось кровью.

Еще можно было обуздать страсти, предотвратить гибель десятков людей, но для этого нужно было сказать правду тем, от кого зависело принятие правильного политического решения и привлечение необходимых сил и средств для локализации очагов конфликта. Властные структуры, наоборот, провоцировали конфликт.

Мягко говоря, непонятные действия работников милиции вызывали у нас, следователей, недоумение, особенно когда мне рассказали, как с вертолетов по митингующим ве-

ли снайперский огонь. Эти и другие данные продиктовали необходимость создания специальной следственной группы, в задачу которой входило расследование эпизодов превышения власти людьми в форме.

Группы следователей, работавшие по различным направлениям, рассредоточились по всему городу.

Местом моей дислокации было здание прокуратуры города. С первых дней мне представили одного из руководителей следствия в области, русского парня. Произвел он очень благоприятное впечатление, и я с удовольствием работал с ним, пока не выяснилось, что он не просто любит выпить, а пить не умеет, превращаясь в состоянии сильного алкогольного опьянения в агрессора или клоуна. Вскоре я смог убедиться в этом. В кабинет зашел один из следователей бригады и взволнованным голосом сообщил, что мне нужно спуститься на первый этаж и посмотреть, что происходит в одном из кабинетов с нашим коллегой. Сцена была безобразной. На стульях полукругом сидели, прихлопывая в ладоши, работники милиции и прокуратуры, киргизы. В центре, едва удерживаясь на ногах, отплясывал барыню руководитель следствия в области. За него было стыдно, за издевательство местных пинкертонов обидно.

Обстановка в городе продолжала оставаться крайне напряженной, поэтому все ходили с личным оружием, здание, где мы работали, охранялось. Охрана состояла из киргизской милиции. Примерно через месяц ко мне зашел местный

русский следователь, свободно владеющий киргизским языком, и рассказал, что совершенно случайно подслушал разговор «охранников». Они с подачи своих начальников были крайне обеспокоены тем, что мы активно ведем следствие в отношении работников милиции, и обоснованно опасались, что вскоре могут начаться их аресты, всерьез обсуждали, как воспрепятствовать этому. Решили, что самое лучшее – перебить нас и сжечь здание прокуратуры со всеми материалами уголовных дел.

В Оше в это время находился председатель КГБ республики, к которому я поехал и поставил в известность об опасности, которая может угрожать мне и подчиненным. Реакции никакой. Со снисходительной восточной улыбкой он сказал: «Зачем так сгущать краски?» Надо отдать должное – кое-какие «меры» принял. Охрану из здания прокуратуры сняли вообще. Пришлось поехать на склад вещественных доказательств и забрать все изъятое по делу оружие (автоматы, пистолеты, боеприпасы). До зубов вооружиться самому и так же вооружить следователей, организовать боевые дежурства.

Через несколько дней после этого я уехал на совещание в прокуратуру области, а когда вернулся, то увидел мирно посапывающего на лавочке с подложенными под голову кроссовками человека. Что-то знакомое было в его фигуре, и я растолкал спящего. Удивление мое было безмерно. Передо мной сидел во всей красе собственный корреспондент «Литературной газеты» Юрий Рост. Мы расцеловались, и Юра с

удивлением заговорил, что ничего не может понять. По городу бродят группками обозленные люди. На улицах – БМП, десантники, а у штаба следственной группы такая идиллия. У меня в кабинете работает на компьютере специалист-программист, к которому он прошел беспрепятственно и получил информацию о том, где в данный момент нахожусь я. На улице мирно пощипывают травку бараны.

Через пару часов общения Юра пребывал в полной растерянности, когда перед ним положили пачку фотографий – загруженных в кузова машин убитых детей, его глаза повлажнели, и он долго не мог прийти в себя.

5 августа в «Литературной газете» под рубрикой «Горячая полоса» был опубликован очерк Юрия Роста «Колокол по тем, кто пока еще жив». Зловещее предзнаменование.

«...В Ошской области у меня нет ни родных, ни знакомых, – писал Рост. – Правильно, читатель. Не тебя травили газами, не твой дом жгли, и не твою пятилетнюю дочь насильовали, и сжигали заживо не тебя. Так что не по тебе звонит колокол. Пока!

...Самих следователей никто не охраняет, хотя угроз достаточно. В районах и областном центре, несмотря на обещание о помощи, – тихий саботаж. На милицию вообще особенно рассчитывать нельзя, на партийное руководство – тоже... События в Ошской области, мощностью в десятки сумгаитов, а жестокостью превосходящие все, что нам известно даже по литературе, пришлось на время съезда партии, но

там не нашлось времени, чтобы обсудить эту человеческую катастрофу. Да, события в Ошской области не знают аналога. А понятно ли вам, что стоит за этой формулировкой? Объясняю: это люди, которым перерезали горло и выпускали кровь (как это делают, когда режут овец), а затем бросали на дороге на поругание или скидывали в воду, это – убитые, а потом сожженные дотла, это – отрезанные носы, уши, выколотые глаза, это – обугленная человеческая голова на шесте, это – зверски изнасилованные десятки женщин, убитые потом, это – изнасилованные и убитые девочки. Убитые дети, много детей – от тех, кто еще в утробе, от новорожденных до подростков... И убитые старики...

За людьми охотились организованно. Задействовали грузовые машины, автобусы. Подогретые спиртным и наркотиками молодчики повязывали на головы красные повязки и убивали – убивали беззащитных местных жителей, особенно в районном центре Узгене. Из окон домов люди с ужасом наблюдали, как работники милиции в форме, на помощь которых они так рассчитывали, сами занимались организацией погромов и направляли по конкретным адресам распоясавшихся боевиков...

...В один из первых трагических дней в селе Мырза-Ака убили двадцать семь человек. Могли убить на пятнадцать больше. Их спасла отважная семидесятилетняя женщина Анна Ивановна Букреева, спрятав их в своем доме... Когда погромщики, которые показали ей на одно лицо, ворва-

лись во двор, она вышла к ним.

– У тебя узбеки есть?

– Нет.

– Ну-ка уходи со двора. Мы сами разберемся.

– Я со своего двора никуда не пойду.

Тогда они стали избивать брата соседкиного мужа и заставили его звать на помощь, чтобы кто-нибудь из родных отозвался, обозначив себя.

– Много их было, Анна Ивановна?

– Ой, много, обкуренные все. А потом, когда они ушли, так подростки по улице ходили тоже с красными повязками на головах и с ножами.

– А того, который кричал, убили?

– Убили на месте, и отца, и сыновей, которые не успели ко мне, тоже убили. Этих, правда, уже в больнице. Их вроде «скорые» подобрали и увезли в больницу... Может, знаете, тут дядя Яша парализованный (мы его так звали), того тоже убили. В одну комнату свезли. Подождите, говорят, врачи куда-то по делам вышли, а тут двери сорвали. Врачи придут, а узбеки – убиты. Ой, те все были сговоренные...»

В один прекрасный день к нам с Емельяновым привезли одного из подозреваемых. Маленького роста, щуплый. Всю жизнь был пастухом. Смотрит затравленно. В глазах – испуг. Посмотришь – жалко становится. А когда выясняется, что 6 июня он лично поймал в горах пасечника, зарканил его и, сидя на лошади, несколько часов таскал за собой, задаешь

вопрос – откуда в нем это? Несчастливого пленника он добил выстрелом из охотничьего ружья в упор.

С первых дней пребывания в Оше каждое утро нас поджидал у здания прокуратуры невысокого роста лет пятидесяти узбек. Горе его было безмерно. В одном из ущелий на Папане стояла принадлежавшая его семье пасека. За ней приглядывали двое сыновей и племянник. 8 июня они исчезли. Он умолял нас, падал на колени, предлагал любые деньги, помощь сородичей, лишь бы помогли найти детей, даже мертвых.

Их убийство мы раскрыли через несколько месяцев. У подножия священной киргизской горы Тасмо разбирали руками камни, извлекая из-под них практически разложившиеся останки ребятишек. Такие же, как и они, подростки на лошадях захватили их прямо на пасеке. Убегать было некуда – дорога из ущелья одна, и она была перекрыта убийцами. Веревками их заарканили и впереди себя под ударами батогов стали гнать на гору. Подъем занял несколько часов. Сжималось сердце, когда представлял я все страдания, которые перенесли несчастные. С вершины священной горы их сбросили в обрыв. Позже тела забросали камнями.

Рост был первым журналистом, который дал правильную и честную оценку произошедшим событиям. Нам говорить правду запрещали, объясняя это тем, что таковая может еще более послужить разжиганию межнациональной розни. Старая песня. Правда всегда одна. Она может нравиться или не

нравиться представителям той или иной национальности, но всегда одна. И то, что в Оше 80 процентов убитых были узбеки, – правда.

Я никогда не забуду, как ко мне в прокуратуру приехала представительная делегация узбеков – аксакалов. Они просили, чтобы я встретился с людьми. Согласился. Приехали в махаллю (место компактного проживания узбеков). Собралась многотысячная толпа. Выступали по очереди, и речи сводились к одному: ты наш старший брат, мы много о тебе знаем, мы верим Москве и не хотим кровной мести. Мы просим тебя, чтобы было честное расследование и виновные были наказаны по закону. Что нужно для этого, скажи. Будем кормить ваших следователей, дадим им кров. Проси что хочешь, только пусть все будет по справедливости.

Мы сделали все возможное, чтобы хотя бы частично оправдать чаяния этих людей. Сегодня есть два самостоятельных государства – Узбекистан и Киргизия. Как живут те, с кем свела меня судьба в 1990 году в Оше, право, не знаю.

На следующий день после выхода «Литературной газеты» с очерком Юрия Роста мне позвонили. Приятным, но властным голосом спросили:

– Вы Калининченко?

Получив утвердительный ответ, собеседник представился:

– Командир полка Ферганской десантной дивизии полковник Солюянов.

О командире-«афганце», Герое Советского Союза Александре Солуянове я, конечно, слышал и читал. Знал, что он со своим полком был переброшен в Ош и спасал людей в Узгене и в самом областном центре.

– Скажите, все, что написал Рост, правда? – спросил Солуянов.

– Да! – ответил я. – Я хотел бы познакомиться с вами лично.

– Не возражаю. В 18:00 я пришлю за вами машину и предлагаю вечером баньку на территории ошской военной бригады.

Мы встретились.

Я всегда полагал, что умею пить. В тот вечер в компании старших офицеров Ферганской десантной дивизии я понял, что тягаться с ними в питии бессмысленно. Утром я, как всегда, пришел на работу.

В фойе городской прокуратуры на столе стоял крупнокалиберный пулемет. Старший сержант, рослый парень в камуфляже, отдал мне честь и доложил:

– По приказу полковника Солуянова заступили на круглосуточное дежурство для обеспечения охраны вас и ваших следователей.

Право, жаль, что сегодня Герой Советского Союза генерал-майор Солуянов не у дел. Российской армией руководят другие люди, а в Таджикистане при миротворческой миссии российской армии таджики убивают таджиков.

Интересно, что думает об этом «величайший миротворец» всех времен лауреат Нобелевской премии Михаил Сергеевич Горбачев? Там, в Оше, его прихлебатели, ссылаясь на всеильного генсека, приказным тоном советовали нам не сгущать краски.

Дело о 140 миллиардах (продолжение)

В Оше застало меня сообщение о смерти отца. После похорон, через сорок один день, скончался брат. Конец 1990-го и начало 1991 года оказались крайне тяжелыми в личном плане – потеря родных людей невосполнима. Не принес удовлетворения и отпуск, который мне дали, несмотря на сложную ситуацию, связанную с расследованием ошской трагедии. Месяц пролетел быстро, но отъезд в Киргизию прервал вызов к начальнику следственной части Прокуратуры СССР Сбоеву.

Скандал к тому времени разгорался, о чем я знал из газет и информационных телевизионных программ. Ситуация, связанная со сделкой о 140 миллиардах, обсуждалась на Верховном Совете РСФСР, ибо ее благословил не кто иной, как заместитель премьера России Геннадий Фильшин. Просьба председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина к депутатам «простить на первый раз Геннадия Иннокентьевича» осталась без ответа, и было принято решение о создании парламентской комиссии, куда в большинстве своем вошли депутаты-коммунисты.

Возглавил их небезызвестный Илья Константинов. «Левым крылом» комиссии командовал Александр Починок,

все эти годы так и не покидавший высший законодательный орган России и наконец получивший в награду пост руководителя налоговой службы России.

Сбоев сообщил, что по решению генерального прокурора СССР Трубина по факту заключения противозаконной сделки принято решение о возбуждении уголовного дела. Расследование поручено мне.

Переданная начальником следственной части небольшая папка начиналась с сопроводительного письма в адрес Прокуратуры СССР, подписанного лично председателем КГБ СССР Крючковым. Помимо контрактов и переписки, изъятых у Пирсона, в папке имелись заключения по существу сделки специалистов Госбанков СССР и РСФСР, а также постановление о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного статьей 170 УК РСФСР (злоупотребление служебным положением), подписанное первым заместителем генерального прокурора СССР Васильевым.

«В ПРОКУРАТУРЕ СОЮЗА ССР

Как уже сообщалось, 20 января этого года в аэропорту Шереметьево-2 в ходе таможенного досмотра задержан поданный Великобритании Пол Пирсон.

Учитывая, что указанный контракт заключен в нарушение действующего законодательства, 29 января 1991 года Прокуратурой Союза ССР по данному факту возбуждено уголов-

ное дело по признакам ст. 170 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за злоупотребление властью и служебным положением. Расследование по делу будет производиться Прокуратурой Союза ССР и Комитетом государственной безопасности»⁴.

Это были первые несправедливые попытки внести в расследование элементы политической конъюнктуры, ибо злоупотреблять служебным положением может только конкретное должностное лицо или лица. Сам факт злоупотребления не может быть абстрактным, относящимся к не названным в постановлении о возбуждении уголовного дела подозреваемым.

Разразившийся в Москве скандал сразу привлек пристальное внимание западных средств массовой информации, начавших собственные расследования.

«Теперь о том же, но только с английской стороны сделки. Свое журналистское расследование провел наш английский коллега Фрэнк Уильямс...

...Что такое «Дов трейдинг интернэшнл»? Такая компания не существует в официальном реестре трудовых компаний, в котором по британскому закону каждая компания должна состоять...»⁵

Для следствия подобные сообщения откровением не бы-

⁴ Советская Россия. 1991. 31 января.

⁵ Радио «Свобода». 1991. 25 января.

ли. Фирмы «Дов трейдинг интернэшнл» в Лондоне действительно не существовало, а указанный в контрактах ее юридический адрес был частной квартирой.

А вот что нас повергло в изумление, так это поступившее факсом сообщение Интерпола о международном розыске Колина Гиббинса за преступления, совершенные на территории Великобритании.

«Отправитель: НЦБ Интерпола в Лондоне. Исх. 031027 от 31.01.91 г. Получатель: ИНЦБ Интерпола в Москве Генеральный секретариат Интерпола (для сведения)...Сообщаем, что Гиббинс Колин Клайв находится в национальном розыске в нашей стране за таможенные правонарушения на суммы, превышающие триста восемьдесят тысяч фунтов стерлингов... Вопрос о выдаче указанного лица передан на рассмотрение соответствующих судебных властей. Что касается других лиц – Пирсон Пол Грэхем и Фрай Дэвид Чарлвуд (партнеры Гиббинса по сделке), они оба известны таможенным властям как сообщники Гиббинса. Указанная южноафриканская компания «Дов трейдинг интернэшнл» также известна как фасад для трех вышеуказанных лиц. Примите уверения в нашем сотрудничестве по этому делу и всем другим вопросам. Мы были бы признательны за направление нам фотографий и отпечатков пальцев указанных лиц для их точной идентификации. *Только для полицейского и*

*судебного использования. Наилучшие пожелания.
Интерпол. Лондон».*

К этому времени среди депутатского корпуса стали распространяться слухи о том, что Гиббинс является агентом КГБ и долгие годы сотрудничал с этим ведомством.

Из оперативных источников. Колин Гиббинс родился 14 ноября 1942 года в городе Рагби графства Уорконшир. Работал в одной из фирм по производству компьютеров и по ее заданию в 1975 году выехал в ЮАР. После возвращения в 1978 году устроился в Бирмингемскую электрическую компанию на должность телевизионного инженера. Через некоторое время он – служащий фирмы «Конор лейзерс» в Девентри. Специализация – ремонт лазерных установок. В 1984 году выехал в СССР, где занимался установкой нелегально вывезенного из Англии лазера. Здесь он познакомился с журналисткой Ларисой Д. (впоследствии ее назовут агентом КГБ, специально приставленным к Гиббинсу). Именно Лариса свела Колина с президентом швейцарской фирмы «Иматэкс» Крисом Флери.

Из досье английской полиции: «Флери – известный в Европе контрабандист, специализирующийся на поставках тонких технологий в СССР. В случае пребывания на территории Великобритании Флери ждет немедленный арест; им активно интересуются спецслужбы США и Швейцарии».

И в тот период, и впоследствии любые мои попытки доко-

паться до сути взаимоотношений Гиббинса с советской стороной наталкивались на упорное молчаливое сопротивление заинтересованных лиц, и, право, я чувствовал себя крайне неловко, когда летом 1991 года в Лондоне следователь таможенно-акцизной полиции Великобритании Кристофер Константин, занимавшийся расследованием дела Гиббинса, показывал документы, которые у нас относились к строго охраняемой государственной тайне и из которых явствовало, что на протяжении многих лет советская сторона щедро оплачивала через швейцарские банки деликатные услуги английского бизнесмена. Я прочитал письмо, написанное Флери 1 декабря 1985 года, из которого было видно, что он и Колин заключили соглашение о секретном сотрудничестве. По условиям соглашения первый брал на себя обязательства в подыскании и консультировании клиентуры по контрабандным поставкам ноу-хау, второй предоставлял в распоряжение партнера свои технические знания.

Именно Флери познакомил Гиббинса с неким Брайаном Трехерном, и они совместно учредили фирму «Юниверсал лазерс сервис». Задача фирмы – поставка в СССР через третьи страны (в частности, Кипр и Швейцарию) точных технологий, запрещенных к ввозу в нашу страну.

Работа продвигалась настолько успешно, что буквально через год Гиббинс купил в Англии виллу стоимостью 170 тысяч фунтов стерлингов. Неприятности для него начались после того, как в мае 1989 года сотрудники британской та-

можни задержали в бирмингемском аэропорту его и Трехерна при попытке вывоза двух скоростных видеокамер «Имакон-790».

Ситуация пиковая – их экспорт запрещен не только в СССР, но и во все страны, где идет работа по созданию ядерного оружия. Видеокамеры этого типа используются при испытании ракет, съемках процессов во время ядерной реакции, прохождения снаряда через броню и т. д. Технические возможности позволяют снимать до 500 миллионов кадров в секунду.

Судья Ричард Уэйкерли, рассматривавший дело Гиббинса и Трехерна, охарактеризовал попытку продажи видеокамер в СССР как «серьезный вопрос, касающийся коллективной безопасности западных стран».

Признаться, я краснел и тогда, когда английские следователи называли мне имена офицеров спецслужб СССР, которые через подставные фирмы проделывали эти внешнеторговые операции. Показывали и другие документы, связанные с деятельностью Гиббинса в СССР. От англичан я узнал, что только за три года жизни в нашей стране он 18 раз посетил города, называемые «закрытыми зонами». Именно после этого я стал догадываться, что Гиббинс никогда не был агентом КГБ (как утверждала демократическая пресса), а если и работал в интересах СССР, то совсем на другое ведомство.

После задержания в Бирмингеме Гиббинса кратко допросили и... арест заменили выпуском под залог. Естественно,

в суд он больше не явился и скрылся в ЮАР. (Правда, это не мешало ему регулярно посещать Советский Союз, занимаясь бизнесом в каких угодно сферах.)

До сделки в 140 миллиардов Гиббинс был еще далек. Кстати, в ходе следствия разыскать и допросить Криса Флери не удалось. Он исчез. Так же как и названные нам английской стороной офицеры ГРУ, опекавшие Гиббинса и Флери в СССР.

«29.08.91 г.

Уважаемый г-н Калиниченко!

(по Колину Клайву Гиббинсу)

Еще раз спасибо за оказанную Вами помощь в марте 1991 г. (англичане приезжали в Москву за Гиббинсом). Надеюсь, что наше следственное отделение и отдел по борьбе с мошенничеством лондонской полиции во время Вашего визита в Лондон оказали существенную помощь в Вашем расследовании этой многомиллионной аферы.

Если понадобится какая-то иная дополнительная помощь, не задумываясь, обращайтесь к нам (телекс 23424 GEIDLIN G, или по факсу 071–353 3706, или через Интерпол).

Что касается Вашего дальнейшего расследования по делу Колина Гиббинса в Советском Союзе, я был бы очень благодарен, если бы Вы сообщили нам что-либо касающееся предмета нашего расследования и в отношении К. Гиббинса в Соединенном Королевстве.

Это относится к экспорту трех высококачественных систем-камер, которые поставлены во внешнеторговое объединение «Техноинторг», детали их таковы:

«Имакон-790» – поставлено «Хэдленд фотоникс лтд., ОК» в «Паар сайентифик лтд.» (Брайан Трехерн) в декабре 1987 года. Доставлены товары «Паар» для Гиббинса в Советский Союз через Кипр. В Москву из Ларнаки – рейсом СУ-522 18 декабря 1987 года, авиаквитанция 555-0945 2052.

«Кодак SP2000 моушн анализис систем» – поставлено «Кодак ОК» в «Паар сайентифик лтд.» в феврале 1989 года. Товары поставлены Гиббинсом прямо из Бирмингема в Москву – английская авиаквитанция № 125-2598 6262 от 11 марта 1989 года и финская авиаквитанция № 105-3341 7930 от 10 марта 1989 года.

«Имакон-790» – также поставлено «Хэдленд фотонике ОК» в «Паар сайентифик лтд.» в мае 1989 года. Товар конфискован в бирмингемском аэропорту, а Колин Гиббинс и Брайан Трехерн арестованы.

Как Вы уже поняли, Колин Гиббинс в течение нескольких лет нарушал действующие в Соединенном Королевстве правила. Но наше расследование сконцентрировало свое внимание на трех наиболее важных эпизодах, 30 которые названы выше.

Был бы очень благодарен, если бы Вам удалось выяснить относительно систем (1 и 2) – куда они ушли, куда (3) предназначалась и для каких целей. Если Вам удастся найти какое-нибудь документальное

свидетельство, полезное нашему расследованию, или еще что-либо относящееся к делу, мы были бы очень благодарны, если бы Вы разрешили нам сделать копии. Эти копии, если Вы их дадите, будут нами использованы только с целью расследования и не будут приложены к официальным документам без Вашего согласия.

Если Вам удастся помочь в этом вопросе, будем очень благодарны.

Желаем успеха в Вашем нынешнем расследовании и надеемся, что Вы остались довольны визитом в Соединенное Королевство. Надеемся на тесное сотрудничество наших служб в будущем.

С искренним уважением, К. А. Константин».

Это письмо направил на мое имя следователь таможенной полиции Великобритании Кристофер Константин, долгие годы занимавшийся делом Гиббинса и искренне стремившийся к тому, чтобы последний оказался на скамье подсудимых. Естественно, я не мог помочь ему в получении нужных материалов, потому что не имел к ним никакого доступа. Наши полномочия в своих странах были абсолютно разными.

Дело о 140 миллиардах было последним в моей более чем 20-летней работе на следствии. Я уволился со службы в Прокуратуре СССР в январе 1992 года, когда было принято решение о ее ликвидации и прокурор РСФСР Степанков по своему усмотрению выбирал, кого из бывших работников

центрального аппарата союзной прокуратуры он возьмет на работу, естественно со значительным понижением в должности. Определяющим критерием было отношение к новой демократической власти и заслуги в содействии свержению «тоталитарного режима».

– Вы не должны уходить с работы, которая была вашим призванием и которой отданы лучшие годы жизни, – сказал мне заместитель генерального прокурора СССР Владимир Иванович Кравцев в январе 1992 года. – Соглашайтесь на любую должность.

– Владимир Иванович! – сказал я ему на прощание. – Придет время, и вам, как честному и глубоко порядочному человеку, придется принимать несправедные решения, вытекающие из политической конъюнктуры в борьбе за власть и большие, очень большие деньги. Перебороть себя вы не сумеете, и расплата последует незамедлительно.

Последний раз с адвокатом Кравцевым мы встретились и вспомнили о прошлом весной 1995 года.

В конце 1991 года не стало Советского Союза – страны, в которой я родился и вырос, получил специальное образование и которой служил честно и бескорыстно в течение семи тысяч шестидесяти дней.

Из прошлого

Мы дети своего времени. На мою долю выпало видеть могущество и разрушение великого государства, сопровождающееся сменой шести генеральных секретарей ЦК КПСС, крушением коммунистической системы, жесточайшими межнациональными конфликтами, трагической гибелью десятков тысяч сограждан. Конца этому не видно.

Воспоминания детства эпизодичны. Комната в коммунальной квартире, где на все праздники собирается многочисленная родня. 1 мая и 7 ноября отец берет меня на парад. Музыка, флаги, приподнятое настроение окружающих. Жили небогато, но вообще-то нормально.

Проснувшись однажды утром, вижу плачущую маму и хмуро вышагивающего из угла в угол отца.

– Почему ты плачешь? – спрашиваю маму.

– Сынок, умер Сталин, – ответили мне.

То, что Сталин у нас самый главный, я, несмотря на пятилетний возраст, знаю хорошо. Внушили. На меня надели черного цвета костюмчик и отвели, как всегда, в детский сад. Там между нами, мало что понимающими детьми, ходили заплаканные воспитательницы и нашивали на левую сторону груди черно-красные треугольнички.

Умер вождь. Мне говорят, что все мы когда-нибудь умрем, как дядя Вася – муж маминой сестры. Отчетливо

помню гроб с покойником и батюшку, отпевающего отошедшего в мир иной. Печальная и вместе с тем какая-то величаво грустная церемония. «Наверное, так будут хоронить Сталина», – думалось мне.

Нет. В полдень тишину города взорвали вой заводских сирен, пронзительные гудки паровозов и клаксонов автомобилей. Жутко все это было слышать.

«Дорогие товарищи и друзья! Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет министров СССР, Президиум Верховного Совета СССР с чувством великой скорби извещают партию и всех трудящихся, что 5 марта в 9 часов 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался председатель Совета министров Союза ССР и секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин.

Перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа...

Бессмертное имя Сталина всегда будет жить в сердцах советского народа и всего прогрессивного человечества...»⁶

Те дни запомнились великой скорбью огромной страны. В большинстве своем люди горевали искренне. Через годы я узнал, что в день похорон вождя, как и при коронации последнего русского императора, в Москве погибли сотни москвичей. Они пришли проводить в последний путь свое-

⁶ Правда. 1953. № 65. 6 марта.

го кумира, но умирали и были покалечены в жуткой давке на центральных площадях и улицах столицы. И еще запомнилось, как взрослые спрашивали друг друга: «Что теперь с нами будет?» Нам же, детворе, внушали: «Сталин жил! Сталин жив! Сталин будет жить! Ничто не сотрет его имя в памяти народа!»

Для генералиссимуса последним пристанищем стал Мавзолей на Красной площади, где в установленные дни советские люди и иностранцы могли лицезреть забальзамированный труп властолюбивого и жестокого человека. Сегодня мало кто помнит, что после смерти Сталина было принято иное решение о месте его захоронения.

«В целях увековечения памяти великих вождей Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина, а также выдающихся деятелей, захороненных на Красной площади у Кремлевской стены, соорудить в Москве монументальное здание – Пантеон – памятник вечной славы великих людей Советской страны. По окончании сооружения Пантеона перенести в него саркофаг с телами В. И. Ленина и И. В. Сталина, а также останки выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства, захороненных у Кремлевской стены»⁷.

Так что идея очистки Красной площади от захоронений отнюдь не нова и не принадлежит российским демократам.

⁷ Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР. Правда. 1953. № 66. 7 марта.

То ли денег не нашли, то ли по другой причине, но постановление № 66 осталось невыполненным. Пантеон так и не соорудили. Похороны на кладбище в центре Москвы продолжались долгие годы, разумеется только в отношении людей избранных и абсолютно лояльных к власти на день смерти. Таким, как Хрущев, Микоян, Косыгин, и многим другим не повезло. Им нашли другие места вечного упокоения.

Тогда же, в 53-м, поклявшись в верности делу Ленина и Сталина, их преданные соратники и друзья тут же поделили власть между собой.

Прошло совсем немного времени, и из разговоров взрослых я узнал о том, что арестовали, а затем расстреляли ближайшего соратника Сталина Берия. Почему-то запомнилось: Берия – английский шпион. Как же так, думал я, такой большой человек – и шпион? Как выясняется сегодня, руки Берии действительно по локоть в крови, но он содержал и контролировал личную разветвленную сеть агентов влияния и просто агентов, занимавших высокое положение не только в фашистской Германии, но и в Западной Европе и США, был организатором и руководителем советского ядерного проекта и сумел фактически с минимальными затратами, за счет похищения атомных секретов утереть нос американцам. За выдачу этих секретов на электрическом стуле казнили русских шпионов – супругов Розенберг.

«В ослепительной вспышке советского атомного взрыва с небывалой доселе яркостью высветилась горделивая статья

нашей науки... достижения нашей индустрии... Была выдвинута лживая версия о похищении атомных секретов. Эту версию пытались вписать в историю не только ядовитыми чернилами продажных журналистов, но и кровью мучеников... Невинные тени супругов Розенберг еще чудятся в электрическом кресле тюрьмы Синг-Синг. Рано или поздно невинные жертвы атомной истерии будут реабилитированы, но никто и никогда не оправдает тех, кто разжигал, раздувал и поддерживал преступную ложь о хищении «тайн атома»⁸.

Уже первоклашкой я был безмерно горд за свою страну, которая, победив в Великой Отечественной войне, успешно и быстрыми темпами восстанавливала разрушенное хозяйство, создала собственную атомную бомбу, не позволив тем самым империалистам развязать против нас третью мировую войну. Жалко было несчастных супругов Розенберг, которых американцы безжалостно казнили. Разве мог я не верить руководителям нашей партии и государства?

Оказывается, верить не следовало. Все было наглой и беспардонной ложью. Лицемерие вообще присуще всем, кто нами руководил. И сегодня никто не знает, кем было принято решение о разгоне митинга в Тбилиси, кровавых событиях в Вильнюсе и Чечне. Правду можно будет узнать через десятки лет, когда творцы великой лжи отойдут в мир иной.

«Несомненная заслуга в быстром создании в СССР ядерного оружия принадлежит и американским ученым, супру-

⁸ Лицом к лицу с Америкой. М., 1960. С. 72.

жеской паре – Джулиусу и Этель Розенберг, которые оказали в этом своевременную и бескорыстную помощь советским ученым и тем спасли цивилизацию от ядерной катастрофы... Хотелось бы, чтобы наше руководство увековечило их память и назвало их именами одну из улиц или площадей Москвы»⁹.

Но что там Розенберги, Берия и другие! Перепуганные родители шепотом обсуждают самую шокирующую новость середины 50-х – разоблачение культа личности Сталина. Оказывается, он повинен в гибели десятков миллионов советских людей. Эти разоблачения сделал самый верный его соратник – Хрущев. А как же понимать фотографии в газетах, которые рассматривает отец? Вот Хрущев восторженно аплодирует вождю на съезде, вот подобострастно заглядывает ему в глаза на прогулке, вот со скорбным лицом несет его гроб. Осмелевшая бабушка рассказывает, как в 37-м бесследно исчезали соседи, за которыми ночью приезжали из НКВД. Значит, это правда?

«Ленинское ядро Центрального комитета сразу же после смерти Сталина стало на путь решительной борьбы с культом личности, его тяжелыми последствиями. Наши враги утверждают, будто культ личности Сталина порожден не определенными историческими условиями, которые уже ушли в прошлое, а самой советской системой, с их точки зре-

⁹ Генерал-майор Докучаев – один из руководителей внешней разведки КГБ СССР. Москва, Кремль, охрана. М., 1995.

ния недемократичной... Подобные клеветнические утверждения опровергаются всей историей развития Советского государства» (из постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий»).

В шоке находились не только мы, а, пожалуй, и весь мир. Тем более что секретный доклад Хрущева был неизвестен советским людям, но нелегально доставлен на Запад и там опубликован. Сам разоблачитель культа находился в довольно щекотливом положении. Ведь он, как первый секретарь ЦК КП Украины, а затем и московской партийной организации, по должности был членом пресловутых «троек» и подписывал тысячи смертных приговоров, в большинстве своем ни в чем не повинным людям. Но сегодня он у власти, а значит, неприкасаем.

Не успели отойти от очередного потрясения, как грянуло новое. С 22 по 29 июня 1957 года страна застыла в тревожном ожидании. В Кремле явно что-то происходило. Ясность внес пленум ЦК, состоявшийся 4 июля.

«Верный ленинец и сотоварищи» развенчали антипартийную группу в лице таких же «верных ленинцев» Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова. Оказывается, они фракционными методами добивались смены руководящих органов партии и, очищая себя от скверны КПСС, пошли на обновление руководящего ядра. Отступников изгнали с занимаемых постов, Президиум ЦК обновили. В его списке появились будущие «застойщики» Брежнев,

Суслов и конечно же Хрущев.

Советские люди дружно аплодировали победителю: «... Оценивая все происходящие события, вспоминаешь и о том, как правильно поступила партия, что вовремя выперла из правительства смутьянов и интриганов Кагановича, Молотова, Маленкова. Как теперь без них спокойно...»¹⁰

Как видно из даты письма, оно являлось одобрением курса, выбранного партией, даже через два года после разгрома антипартийной группировки и, конечно, не было случайным, ибо нуждавшийся в международном признании глава СССР впервые в истории первого в мире государства рабочих и крестьян засобирався с визитом в Америку.

До этого Хрущев решился на беспрецедентный шаг – проведение в Москве Первого Международного фестиваля молодежи и студентов. Мы поворачивались к миру цивилизованному лицом или, скорее, делали вид, что поворачиваемся.

Естественно, многое зависело от того, насколько удачным будет визит советского лидера в США, особенно в сознании народа. Пропагандистская кампания развернулась на полную мощь по принципу: хотели как лучше, а получилось как всегда.

Из очередного напутствия вождю:

«...наш Никитушка не подкачает! Не подумайте, что, называя Вас Никитой, Никитушкой, Никитой кукурузным, мы проявляем тем самым какое-то панибратство, какое-то

¹⁰ Письмо рабочего Ф. Семенова Н. С. Хрущеву. Ленинград, 30 октября 1959 г.

неуважение к Вам. Нет! Это любовь, большая, настоящая, такая именно, какую проявляли все русские люди к своим богатырям.

Искренне любящий Вас советский человек, который готов для Родины, для партии отдать все, что ему дала советская власть, и даже то, что получил от своей матери».

Такие и подобные им подхалимские письма хлынули в Москву накануне визита в массовом порядке, тиражировались на всю страну, издавались за рубежом. Вышеприведенное я лично прочитал на странице 552 книги под редакцией зятя Хрущева Аджубея «Лицом к лицу с Америкой». Это сегодня мы смело и дружно критикуем прошлое. Тогда же не менее дружно и радостно рукоплескали откровенным глупостям, допускаемым главой государства и его ближайшим окружением.

Впрочем, не стоит представлять Хрущева только глупцом. Чего-чего, а политического цинизма у этого человека было предостаточно. Взять все тот же первый визит в Америку. Неожиданно для всех Никита Сергеевич согласился на беспосадочный перелет в Штаты на новом лайнере Ту-114, который так никогда и не пошел в пассажирскую серию.

В США не нашлось гражданского аэродрома, способного принять эту махину, и суперлайнера посадили на одной из военных баз. Эка невидаль, скажет читатель – и будет не прав, ибо американцам наглядно продемонстрировали, что у

русских есть самолет, способный без посадок донести до их благословенной земли не только атомную, но и водородную бомбы, которые к тому времени создал будущий миротворец Андрей Дмитриевич Сахаров.

Правда, демонстрируя в такой завуалированной форме свою силу, Хрущев в официальных речах на приемах говорил только о мире во всем мире: «Суть наших предложений состоит в том, чтобы в течение четырех лет все государства осуществили полное разоружение и не имели больше средств ведения войны».

Было ли это действительно утопической верой в возможность изменить мир в лучшую сторону, или все тем же величайшим политическим цинизмом ведения переговоров с позиции силы? Скорее второе. Ведь мог же он в своем выступлении сказать ошарашенным американцам: «...я приехал в США не с длинной рукой... Я не буду протягивать шапку... Мы просить у вас ничего не собираемся, у нас все есть... Крысу дохлую нам не подбрасывайте, мы вам можем подбросить не одну дохлую кошку».

И подбросили не кошку, конечно, а кое-что посерьезнее. Заявлениям Хрущева о мире и разоружении внимал молодой сенатор Джон Кеннеди. Пройдет совсем немного времени, и ему, уже президенту Соединенных Штатов Америки, доложат, что вместо реальных шагов к разоружению, пусть даже и не за четыре мифических года, Хрущев принял решение о размещении на Кубе ракет с ядерными боеголовками.

Те дни запомнились на всю жизнь. Страх, состояние, близкое к панике, охватило окружающих меня близких и сограждан. Вот-вот начнется война между нами и Америкой. Все обсуждают между собой, как успеть вовремя покинуть мое родное Запорожье, по которому обязательно нанесут первый ядерный удар, ибо расположены на его территории крупнейшие предприятия оборонного комплекса, черной и цветной металлургии. Говорят, мы тоже не лыком шиты. Наши транспорты с войсками плывут на Кубу. Путь им пытаются преградить корабли ВМС США, и тогда из глубин океана всплывают таинственные атомные субмарины. В нашу мощь и силу хочется верить. Ведь сказал же Хрущев, что мы выпускаем баллистические ракеты, как сосиски. О том, что глава государства блефовал, мы, конечно, не догадывались.

Ну а уж если наши спутники есть в космосе, то достойно ответить ударом на удар мы сможем. В этом нас убеждают и пресса, и телевидение. Но своим мальчишечьим умом понимаю: у меня и земляков шансов уцелеть нет. От американских ракетных баз в Турции до моего родного города – всего ничего.

Наконец всеобщий вздох облегчения. Никита Сергеевич сумел договориться с президентом США. Но...

Потрясения продолжаются. В солнечный первомайский день над Свердловском сбили сверхсекретный американский шпионский самолет У-2. Он летел на умопомрачитель-

ной высоте, но наша ракета его достала. Отвечаем американцам ударом на удар. Вскоре мир оказался в очередном шоке. В Далласе на глазах у тысяч сограждан застрелили Джона Кеннеди. Заговорили о «руке Москвы», ибо предполагаемый убийца президента ранее попросил политического убежища в СССР, проживал в Минске и незадолго до убийства вместе с русской женой вернулся в США.

Подробности о случившемся в основном черпаем из кухонных разговоров. Официальная информация довольно скупа. Наши нервы берегут, утаивая многое, что происходит в мире и внутри страны. Катастрофы подводных лодок, аварии на шахтах, предприятиях оборонки, локальные конфликты. Не поймешь, где правда, где домыслы. Но все равно нами руководит борец за мир во всем мире Никита Хрущев. Об угрозе войны говорят практически все. Люди действительно живут страхом, и поэтому зачастую приходится слышать: «Да, жить нелегко, начались перебои с хлебом, стали печь его из кукурузы, с отрубями, исчезло мясо, молоко, мыло, соль. Не страшно! Потерпим! С голоду не умрем. Лишь бы не было войны. В борьбе за мир и страдаем...»

Дело о 140 миллиардах (продолжение)

В 1990 году накал политических страстей в нашей стране приобретал все более острый характер. Верховный Совет и правительство России делали все возможное, чтобы уйти от диктата центра и получить больше самостоятельности в областях экономической и финансовой. К лету появились первые предложения об обмене рублей на доллары. Делали их ринувшиеся на российский рынок западные бизнесмены с сомнительной деловой репутацией. Именно тогда, а не после задержания Пирсона зарождалось скандальное дело о 140 миллиардах.

Одним из первых на переговорах в правительстве России появился американский бизнесмен Джон Росс. С ним и подписал 31 августа 1990 года протокол премьер-министр Иван Силаев. Назывался он «О намерениях реализации совместного проекта по нормализации экономических и социальных условий в РСФСР и других регионах». Протокол предусматривал реализацию проекта финансирования всех его этапов в общей сумме до 50 миллиардов долларов США, соответственно в обмен на рубли.

Позже в ходе следствия было установлено: Джон Росс, он же Яна Семенович Зубок, 1927 года рождения, уроженец Ки-

ева, окончивший в 1954 году Киевский финансово-экономический техникум, проживал на Украине и был дважды судим за хищения. В 70-х годах эмигрировал в США. По оперативным данным, на новой родине занимался нелегальным бизнесом, на чем попался и был завербован ФБР, конкретно – специалистом по СССР Питером Гриненко. Работал по еврейской мафии и содействовал тому, что некоторые преступные авторитеты попали на скамью подсудимых. Новое имя и прикрытие ему создали американские спецслужбы, порекомендовав заняться бизнесом на территории СССР. Занимался Зубок созданием СП по производству... презервативов на территории Латвии и Украины.

На этом в очередной раз погорел, заподозренный в контрабанде. Выручил Яну все тот же Силаев, правда тогда еще не премьер России.

В конце 1996 года в газетах появились многочисленные публикации о разоблачении «русской мафии» в Америке, и в частности о судебных процессах, где фигурировали один из крестных отцов Марат Балагула и другие не менее известные в США и за их пределами личности. Вскользь писали о соотечественниках, которые содействовали ФБР в разоблачении более удачливых эмигрантов третьей волны. Фамилия Джона Росса прямо не называлась, но эти журналистские расследования совпадали с тем, что нам стало известно о Яне Зубке. Первые публикации о личности Джона Росса кое-кем в нашей стране, в том числе и некоторыми журналистами,

были восприняты болезненно. Ряд центральных газет («Известия») сделали ему рекламу как солидному и процветающему предпринимателю. Таковым он вряд ли был, и это показали последующие годы.

Неудача с Джоном Россом и ему подобными не остановила сторонников «кредитного трансферта», а именно так обозначили они фактическую продажу рублей за доллары США.

Прослышав о намерениях советской стороны поправить свои финансовые дела, в Москву ринулись разного рода авантюристы и дельцы криминального бизнеса. Хитрейшие из них сами, впрочем, не совались, а находили таких же авантюристов среди наших соотечественников и делали их за сравнительно небольшие деньги своими посредниками. Одним из них был Владимир Павлович Вакула, выпускник Вильнюсской высшей партийной школы, президент рижской фирмы «Балтияс кронис» и президент АО «Севзапинвест» в Ленинграде.

Раньше он работал в аппарате ЦК ВЛКСМ Латвии, был секретарем парткома Даугавгэсстроя, учился в Академии общественных наук при ЦК КПСС, был инструктором Рижского райкома партии, позже примкнул к независимой Компартии Латвии. В 1990 году в срочном порядке расстался с КПСС. Тогда же, работая вице-президентом коммерческой фирмы «Торнадо», пытался наладить деловые связи с одним из руководителей фирмы «Инфосис» (Норвегия) Магне Индалом. Фирму «Балтияс кронис» создал специально для про-

ведения операций по конвертации рублей и с предложением принять участие в этих операциях обратился к Индалу.

Вскоре на выставке польских товаров, проводившейся в СЭВе, Вакула познакомился со Свиридовым, который представился президентом ассоциации «Возрождение уральской деревни». Вакула посвятил Свиридова в идею «кредитного трансферта» и назвал суммы, предлагаемые для конвертации, естественно с так называемой «дельтой или отстегом» в пользу участников сделки. Ошеломленный Свиридов тут же свел Вакулу с начальником экономического отдела Совмина РСФСР, а чуть позже с Фильшиным, тогда уже заместителем Силаева.

В середине октября в Москву прилетел Магне Индал. У него была генеральная доверенность на ведение переговоров о конвертации 50 миллиардов долларов США, подписанная генеральным директором финансовой группы «Новая республика» (США) Лео Эмилио Ванто. Первая проверка группы позволила российской стороне установить, что она сравнительно недавно зарегистрирована в Австрии, ее уставный капитал просто жалок и составляет всего 500 долларов США. Тем не менее Вакула договорился и организовал встречу Индала с Фильшиным и министрами России: финансов – Федоровым, МВЭС¹¹ – Ярошенко, торговли – Хлыстовым (конечно, с участием Свиридова).

Через день или два при повторной встрече Ярошенко за-

¹¹ МВЭС – Министерство внешнеэкономических связей.

дал Индалу вопрос: как такая слабая финансовая группа, от имени которой он действует, может предоставить для конвертации такую огромную сумму? «Оскорбленный» Индал вытащил на божий свет и показал российской стороне любопытнейшие бумаги: свидетельство о том, что Лео Эмилио Ванто в США является почетным членом президентского клуба, фотографию президента США с подписью «Дорогому другу Лео Ванто. Рональд Рейган», такую же фотографию Джорджа Буша с автографом и письмо, адресованное ему же госсекретарем Бейкером с характеристикой Лео Ванто, а также рекомендательное письмо, подписанное членом конгресса США Бобби Торном. Не знаю, были ли эти документы подлинными. В ходе следствия мне удалось добыть только их ксерокопии.

Тогда же Индал вручил от имени финансового треста «Алеко-кредит» и лично от Эмилио Ванто письмо, адресованное Ельцину, Силаеву, членам Верховного Совета и кабинета министров с предложением провести «кредитный трансферт» на сумму 50 миллиардов долларов США.

Сверхзаманчивое предложение требовало встречи с самим Ванто, и его решили пригласить в Москву через МИД России, но вышел конфуз – посольство СССР в Вашингтоне отказало американцу в выдаче визы.

Как пояснили допрошенные в ходе следствия свидетели, в 80-х годах финансовые круги западных стран и Японии активизировали деятельность по скупке недвижимости

в различных районах мира. Но разговоры о предполагаемой приватизации превышали возможности свободных валютных средств на их приобретение. Готовясь к вторжению в экономику СССР, крупные финансовые круги стали прибегать к услугам подставных брокерских фирм. Возникли противоречия между японским и американским капиталом. Каждая страна, а точнее, ее руководители призвали на помощь спецслужбы для защиты своих экономических интересов.

Эти устремления довольно наглядно просматривались в деле о 140 миллиардах. В октябре 1990 года Вакула через Индала получил от Ванто карточку с образцами подписей для открытия в одном из банков Москвы рублевого счета. Ее изучение кое-кого повергло в шок. Финансовая группа «Новая республика» была зарегистрирована в Австрии, сам Ванто проживал в штате Висконсин, а карточка была заверена нотариусом штата Невада, где, как известно, находится Центр прогнозирования и управления чрезвычайными ситуациями США (читай: ЦРУ).

Из оперативных источников стало известно, что Ванто был замешан в скандале «Иран-контрас» и после ухода в тот период директора ЦРУ перешел на нелегальное положение и отошел от активной финансовой деятельности. Кстати, в причастности к спецслужбам Вакула подозревал и Индала. По его словам, однажды он спросил об этом Магне. Последний рассмеялся и ничего ему не ответил. Подозрения

Вакулы основывались на том, что Индал поддерживал близкие отношения с нашим торговым представителем в Норвегии в тот период, когда местные спецслужбы разоблачили как агента КГБ своего торгового представителя, с которым в свою очередь и в свое время работал он и один из заместителей Крючкова.

Когда началась проверка финансовой состоятельности Ванто, он прислал факс на имя Ельцина, в котором рекомендовал обратиться к председателю КГБ СССР Крючкову с просьбой подтвердить его репутацию и деловую состоятельность.

Как рассказывал при допросах Вакула, по его мнению, западные бизнесмены к началу 90-х годов контролировали и владели 114 миллиардами советских рублей, из них: 20 – Индия, 36 – Япония, 20 – Великобритания, 3 – итальянская компания. Часть рублей находилась в восточноевропейских странах. Интересы западных предпринимателей были нацелены в первую очередь на нефтегазовую и угольную промышленность, энергоемкие производства, добычу алмазов, химическую промышленность, выпускающую сырье для производства новых композиционных материалов. Реинвестирование рублей намечалось именно в эти отрасли.

По инициативе Запада курс рубля искусственно взвинчивался, снижалась возможность его приобретения. Особенно росли цены. Темпы инфляции нарастали. В результате страну вынуждали идти на более быстрое сближение с негосу-

дарственным сектором экономики капстран и его внедрение на советский рынок. Отсюда появилась возможность много-ступенчатого отмывания грязных денег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.